

— А-а-а-а! — раздался яростный рёв. На арене для поединков в тренировочном лагере здоровяк, пренебрегший доспехами, изогнулся и бросился на противника, пытаясь сбить его с ног и схватить руками.

Однако он недооценил проворство врага. Тот ловко увернулся, отскочил в сторону и, не теряя времени, отвесил здоровяку пинок прямо по заднице.

— Молодой генерал, вы только и умеете, что бегать? — проворчал здоровяк, поднимаясь на ноги. Он тут же бросился в атаку снова: — А-а-а-а!

Фэн Чжанцзюэ легко подпрыгнул, приземлившись на массивную спину противника. С силой топнув, он заставил того пошатнуться. Здоровяк потерял равновесие, а Фэн Чжанцзюэ, оттолкнувшись от его спины, взмыл в воздух.

Когда тот с грохотом рухнул на землю, Фэн Чжанцзюэ плавно опустил ногу, снова припечатав противника к помосту. Юноша был уже почти взрослым, а учитывая, что с малых лет он занимался боевыми искусствами и обладал отменным аппетитом, его вес, всем телом навалившийся на поверженного врага, оказался весьма ощутимым.

— В военном деле есть хитрость, называемая мастерством, — Фэн Чжанцзюэ слегка надавил ногой, заставляя здоровяка едва ли не задохнуться от натуги. Затем он с улыбкой соскочил со спины противника на деревянный настил. — Ты полагаешься лишь на грубую силу. В твоей защите слишком много брешей.

С трибун донеслись аплодисменты, но один из воинов Императорской гвардии презрительно фыркнул. По его мнению, Фэн Чжанцзюэ побеждал лишь благодаря ловкости ног, а схватись он по-настоящему, еще неизвестно, справился бы он с гвардейцем. Тот громко выкрикнул:

— Хватит бахвалиться! Покажи, чего стоишь с оружием в руках!

Толпа сразу узнала кричавшего:

— Это же дувэй Ян Сун! Сам господин дувэй пришел!

Дувэй Ян Сун? Имя показалось знакомым... кажется, отец когда-то упоминал его.

Фэн Чжанцзюэ выпрямился во весь рост и указал рукой на стойку с оружием у края поля.

— Хорошо! — с уверенной улыбкой отозвался он, глядя прямо на Ян Суна. — Выбирай любое!

Неужели они думали, что все те годы на границе он только и делал, что бездельничал?

— С копьями! Пусть берутся за копья!

— Копье — царь среди оружия! Так лучше всего проявятся истинные навыки!

Солдаты, наблюдавшие за боем, воодушевились. Все слышали легенды о том, как молодой генерал Фэн «одним копьем разбил десятитысячное войско», и теперь жаждали увидеть это своими глазами.

Ян Сун подошел к стойке, поднял длинное копье и с усмешкой сказал:

— Что ж! Сегодня проверим, правдивы ли слухи о твоём мастерстве!

— Идет! — Фэн Чжанцзюэ на лету подхватил брошенное ему копье с красной кистью. Взвесив его в руке, он понял — оружие что надо.

Ян Сун запрыгнул на арену, и поединок достиг своего апогея. Вокруг поднялся шум, солдаты начали делать ставки.

— Ставлю на дувэя Яна!

— Я тоже! Молодой генерал еще слишком неопытен. Пусть дувэй Ян покажет ему, что старый конь борозды не портит!

— Пожалуй... я тоже поставлю на Яна.

— А чего тут сомневаться? Дувэй Ян когда-то сражался плечом к плечу с генералом Фэном, и сам генерал хвалил его боевые навыки!

«Хвалил его боевые навыки...»

Фэн Чжанцзюэ, обладавший острым слухом, уловил эту фразу. В его глазах мелькнуло недовольство, сменившееся опасным огоньком интереса. Ему не терпелось узнать, насколько же хорош этот человек, раз уж отец удостоил его похвалы!

Ян Сун заметил, как изменился взгляд юноши, став куда более свирепым, и невольно насторожился.

Окинув взглядом импровизированный игорный стол, Ян Сун увидел, что справа от него никто не делает ставок, и с самодовольным видом задрал подбородок:

— Что же никто не ставит на тебя, молодой генерал Фэн?

— А вот и ставят.

Спокойный и приятный голос заставил всех обернуться. Белоснежная рука опустилась на стол, положив увесистый мешочек с серебром на пустую правую сторону. Пэй Вэньли даже не взглянул на гору монет, лежавшую слева.

Увидев, кто пришел, Фэн Чжанцзюэ не удержался от улыбки. Он невольно выпятил грудь и повернулся к Ян Суну:

— Видишь, за меня ставят!

Под палящим солнцем юноша стоял, расправив плечи, с яркой улыбкой на лице. С копьём в руках, в тонких красных одеждах, он источал такую решимость, будто собирался сразиться не с одним человеком, а с целым войском.

Пэй Вэньли невольно вспомнил строки: Юноша презирает опасность, словно ровную дорогу, опираясь лишь на копьё, он бросает вызов осенней прохладе.

— Тогда я тоже ставлю на молодого генерала Фэна!

— Генерал Фэн, я поставил всё, что мне жена дала на карманные расходы! Только не проиграй!

— Фэн Чжанцзюэ! Задай ему жару!

Ситуация у игорного стола начала меняться: серебра на правой стороне становилось всё больше.

— Договорились — без лишней крови! — выкрикнул один из солдат, решив стать судьей.

По сигналу Ян Сун подался вперед, совершая резкий выпад. Фэн Чжанцзюэ легко взмахнул своим копьём, одним движением отведя удар в сторону.

Ян Сун, приложив усилие, оттолкнул копьё противника, отступил на шаг, сделал обманный маневр справа, слева, и, собравшись с силами, снова бросился в атаку. Но и этот выпад был изящно парирован.

— Трусливо бегаешь! Сразись со мной в открытую! — Ян Сун начал терять терпение: все его приемы разбивались о защиту Фэн Чжанцзюэ без видимых усилий.

— Как пожелаете! — Фэн Чжанцзюэ высоко взметнул копьё. Ян Сун увидел брешь и с победным криком бросился вперед.

«Теперь ты не уйдешь!»

Но Фэн Чжанцзюэ двигался невероятно быстро. Он крутанул копье, словно посох, отбив атаку противника, и прежде чем тот успел опомниться, острие Фэн Чжанцзюэ уже было направлено ему в горло. Ян Сун поспешно отскочил, пытаясь заблокировать удар.

Фэн Чжанцзюэ не дал ему опомниться, нанес резкий удар ногой, заставив Яна повалиться на землю. В следующее мгновение к его лбу прижалось острие копья с красной кистью.

— Победил молодой генерал Фэн!

— Ты... ты обманул меня! — Ян Сун осознал, что брешь была лишь приманкой. — Вот же хитрец!

— Благодарю за урок, — Фэн Чжанцзюэ бросил на него короткий взгляд и легко спрыгнул с арены. Он не почувствовал, чтобы этот человек был настолько силен — даже если отец его и хвалил, сам он не находил в нем ничего выдающегося.

При мысли об этом рука, сжимавшая копье, невольно напряглась.

Пэй Вэньли заметил перемену в настроении юноши: победа, казалось, не принесла ему радости. Он подошел ближе и мягко спросил:

— Что-то не так?

— Ничего, — Фэн Чжанцзюэ опомнился и решил сменить тему: — А ты что тут делаешь?

— Соскучился, вот и пришел, — прошептал Пэй Вэньли, склонившись к самому его уху.

Сердце Фэн Чжанцзюэ пропустило удар. Он покраснел до кончиков ушей — такого замешательства на его лице нельзя было увидеть даже во время самого напряженного боя. Он поспешно отступил назад, чуть не врезавшись в помост.

— О чем ты только думаешь? — в голосе Пэй Вэньли слышались едва уловимые нотки насмешки, призванные разрядить обстановку. — Я просто подумал о тебе, вот и всё.

— О, ха-ха... А я уж было подумал... — Фэн Чжанцзюэ не успел договорить, как Пэй Вэньли перебил его:

— Подумал что? Что я днями и ночами тоскую по тебе?

— Да с чего бы! — быстро отрезал Фэн Чжанцзюэ, повысив голос. — Наш господин Пэй, такой талантливый, разве станет думать о простом вояке вроде меня? Скорее, он мечтает о какой-нибудь красавице.

На этот раз замолчал уже Пэй Вэньли.

— Пойдем, спасибо за помощь. Схожу с тобой в Нефритовый терем весны.

Ян Сун, оставшись на арене, проводил взглядом удаляющиеся фигуры. Вокруг него снова собрались солдаты.

— Дувэй Ян, этот молодой генерал Фэн просто поразителен! В таком юном возрасте — и такая техника, такая сила!

— И не говори! Если бы я мог так же, давно бы получил повышение!

Ян Сун лишь усмехнулся. Не зря его учил сам генерал Фэн. Он с нетерпением ждал зимней охоты — стрельба из лука была его коньком.

— Я живу у истоков Янцзы, ты живешь у её устья.

— День за днем я тоскую о тебе, не видя тебя, но пьем мы воду из одной реки.

— Когда же воды эти иссякнут, когда же печаль моя утихнет?

— Лишь бы твое сердце было подобно моему — и я никогда не предам нашей любви.

Мелодичные строки лились над чайной, разливаясь печалью. На первом этаже была установлена сцена, где девушки перебирали струны пип, извлекая жемчужно-чистые звуки.

Ширма с изображением сливы, орхидеи, бамбука и хризантемы окружала помост. Музыка стихла, зеленые занавеси опустились.

— Слышал, на днях ваше Министерство наказаний арестовало замминистра Вэя, — Фэн Чжанцзюэ наблюдал за тем, как девушка в чайной склонила голову, прогревая чаши. Он никогда прежде не пил чай в такой утонченной обстановке.

— Да, весь дом Вэя заключен в тюрьму, об этом знает весь двор, — Пэй Вэньли заметил, как юноша с интересом разглядывает изящные руки девушки, и обратился к ней: — Оставь, я сам.

Ступай.

Когда девушка поклонилась и ушла, Фэн Чжанцзюэ наконец отвел взгляд.

Пэй Вэньли взял чашу, наполнил ее кипятком и принялся за обучение:

— Если чая мало, а воды много, пена не будет держаться. Если чая много, а воды мало, чай станет густым, как каша.

Отставив чайник, он принялся взбивать напиток венчиком, а затем снова влил немного воды до краев. Теперь на поверхности чаши красовался нежно-белый слой пены без единого водяного развода.

— Уже можно пить?

— Еще нет.

Пэй Вэньли принялся выводить узоры на чайной пене, а затем, словно невзначай, спросил:

— В тот день госпожа Фэн звала тебя Я-эр?

— Мое имя Я, от слова «край», край света.

Он слегка улыбнулся и изящно вывел на пене иероглиф «Я» чайного цвета. Вышло невероятно красиво.

— А твое? — Фэн Чжанцзюэ взял чашу и, не разбираясь в тонкостях чаепития, залпом выпил содержимое.

Пэй Вэньли не сдержал улыбки, глядя на него:

— Мое имя Цзинь. Как камень цзиньциньши.

«Звучит очень возвышенно», — подумал юноша.

Переходя к делам, Фэн Чжанцзюэ спросил:

— А что с Министром финансов? В тот день я не был во дворце, но слышал от коллег, что в зале заседаний было беспокойно.

— Да, пока что его не сместить. Скоро мне предстоит поездка в Цзяннань.

Цзяннань был далеко от Цзинду. На границе Фэн Чжанцзюэ часто слышал рассказы о туманных дождях, расписных мостах, мощеных камнем улочках и черных черепичных крышах... Говорили, даже люди там словно сотканы из воды.

— Ты ведь родом из Цзяннаня, — Фэн Чжанцзюэ подался вперед, подперев подбородок рукой.
— Скажи, правда тамошние девушки такие же нежные, как вода?

Пэй Вэньли поджал губы, продолжая заваривать чай:

— Только о девушках и думаешь.

Фэн Чжанцзюэ откинулся на спинку стула, сложив руки на груди:

— Я бы и не думал, если бы ты превратился в девушку и вышел за меня. Тогда бы у меня голова не болела.

— Продолжай мечтать.

— Ну почему ты не девушка? С такой-то внешностью...

— Моя вина?

— ...Кто посмеет винить тебя.

Разговор прервался: музыка внизу изменилась. Зазвучали мотивы западных земель — печальные, тоскливые, словно холодный источник, леденящий кости. Фэн Чжанцзюэ мгновенно вскочил и бросился к перилам.

Занавес поднялся: на сцене выступала труппа хусцев. В центре, в танцевальном наряде с накидкой из дымчато-фиолетового шелка, расшитого золотом, танцевала девушка. Она кружилась в вихре танца, звеня браслетами на руках.

Хусцы в чайной?

Девушка была невероятно хороша собой. В ее глазах, казалось, мерцали тысячи звезд. Музыка стала резкой, она сделала несколько быстрых оборотов, глядя на красные цветы, украшавшие потолок, а затем удар в бубен возвестил о перемене ритма — музыка стала жалобной, словно плач.

Она снова закружилась, подобно бабочке, пойманной в клетку. Музыка затихла, и в этот момент она подняла глаза, встретившись взглядом с Фэн Чжанцзюэ.

Мгновенный трепет.

Фэн Чжанцзюэ так сильно сжал перила, что побелели костяшки пальцев. Узор у нее под глазами был ярким, необычным — он уже видел такой на границе.

Где же? Где?

Он лихорадочно пытался вспомнить, но безуспешно. Рядом ощущался аромат чая. Краем глаза он заметил, что Пэй Вэньли стоит совсем близко, и услышал его тихий, многозначительный вопрос:

— Ты видел ее раньше?

— Нет, — Фэн Чжанцзюэ отступил на шаг и посмотрел на Пэй Вэньли. — Просто удивился, что в чайной выступают хусцы.

— Они приехали недавно, в Цзинду сейчас в моде всё заморское. Даже чайные нанимают их, чтобы привлечь клиентов, — Пэй Вэньли обеспокоенно смотрел на него. — Ты сам не свой. Стоило зазвучать этой мелодии, как ты словно лишился покоя.

Эту мелодию он слышал на границе. Звук флейты цянъ — та же самая тоскливая музыка.

Луна плыла в небесах, на поле боя стоял ледяной холод, и в воздухе плыл призрачный звук флейты. Он стоял на дозорной вышке, вслушиваясь в эту музыку.

Скорбный напев... Сначала он подумал, что это кто-то из солдат тоскует по дому, но чем дольше слушал, тем сильнее крепла тревога.

В тумане, вдали, показалась фигура человека с флейтой за крепостной стеной.

Раздался скрип натягиваемой тетивы. Фэн Чжанцзюэ обернулся и увидел отца, Фэн Тайпина, в легких доспехах. Тот прицелился в фигуру.

Один выстрел — и человек с флейтой исчез вместе с музыкой.

— Что происходит? — спросил он отца.

Голос Фэн Тайпина был мрачен:

— Он играл «Циншан». Песню погибающего государства.

От этой картины Фэн Чжанцзюэ перехватило дыхание. Он застыл на месте, а затем его захлестнула волна ярости.

— Проклятье! Посмел проклинять наш Великий Синь!

В гневе он вырвал лук из рук отца и трижды выстрелил туда, где только что стоял незнакомец.

Фэн Тайпин, сам не находя себе места, резко остановил его:

— Не трать стрелы! Он уже давно ушел!

— Не дай мне только встретить тебя! Я собственноручно разорву тебя на куски!

<http://bllate.org/book/21899/2275084>